

Глава 8. Только правду!

Похоже, что Нахов и в самом деле знал этот класс лучше других. Это он ведь сказал: ничего у вас и на комсомольском собрании не получится.

Аласов не торопил класс: пусть обдумают, осознают. Но, кажется, вышло наоборот, класс только укрепился в своём. Внешне собрание шло как положено. Комсорг Саша Брагин в своём докладе «дал оценку», выступающие каялись: да, виноваты, да, я не вышел к доске, когда Надежда Алгысовна вызывала, признаю и исправлюсь... Выходило, что вся эта «сидячая забастовка» — простое недоразумение, печальное стечение обстоятельств.

«Каясь», ребята лукаво косились в сторону классного руководителя, который молча сидел у стены за партой — гость комсомольского собрания. Они говорили нарочито занудливыми, казённо-бюрократическими словесами: «Принимая во внимание недопустимое моё отставание...» Всё собрание было вызовом ему, классоводу: вам нужно было мероприятие, мы его проводим, не придерёшься. Но чего вы добились в результате?

Неподвижно сидя за партой, Аласов на этом собрании устал смертельно — будто полдня рыл окоп в полный рост. Устал от напряжённости, от того, что всё пытался отыскать в выступлениях какое-либо зерно. И ещё от того, что после рассказа Нахова каждая мелочь здесь приобретала особый «подтекст», любое словцо царапало. Сейчас будет предоставлено слово учителю, он обязан сказать им что-то очень серьёзное и веское...

Получилось глупо — начал речь и сам попал в струю казённой риторики, язык автоматически стал прокручивать известные истины насчёт ответственности десятого класса и необходимости крепить дисциплину. Собрание слушало его невнимательно, за партами перешёптывались, порхали по рядам записочки.

Нужно было закругляться, но Аласов знал, что его выступлением собрание и завершится: облегчённо вздохнув, ребята побегут по домам... И как плохой ученик, который тянет время, он продолжал говорить обо всём, что только приходило на ум: о важности математики, которую преподаёт Надежда Алгысовна, о самой Надежде Аллысовне — какой это серьёзный педагог и как она в юности, на таком же комсомольском собрании, выступила с инициативой помогать красноармейским семьям...

— А что же она сейчас так? — забывшись, вскочил с председательского места Брагин; перебив преподавателя, он смутился. — Извините, Сергей Эргисович...

Этот выкрик Брагина был, пожалуй, единственным душевным откликом на длинную речь классного руководителя. Но Аласов недаром считался когда-то мастером по разжиганию костров. Он ухватился за реплику:

— Что «сейчас»? Что ты хочешь этим сказать, Саша? Считаешь, что сейчас учителя мало интересуются положением в семьях? Или ты другое имел в виду?

— Ничего я такого особенного не сказал...

— Саша, а ведь это нечестно. Ты парень взрослый и можешь представить себя на моём месте. Ты — классный руководитель, отвечаешь за класс, и вот в десятом случается неприятное происшествие, ЧП. Ты приходишь помочь ребятам, а они ломают комедию. Понимаешь, о чём я говорю, Саша Брагин?

Лицом к лицу, под пристальным взглядом учителя не просто сидеть. Брагин — парень серьёзный, обычно из-под профессорских роговых очков смотрят спокойные, полные достоинства глаза. Тем более заметно сейчас, как он растерян.

— В конце концов вы можете рассматривать этот вопрос как вам угодно — здесь комсомольское собрание... Но мне хочется рассчитывать хотя бы на простую человеческую порядочность...

— Сергей Эргисович! — вскричал Саша. — Вы совсем не так меня поняли. Мы ничего против вас... и вообще... Если уж на то пошло, я скажу, а то получается, что только класс и виноват. Правду не надо скрывать!

— Какая же это правда?

— А такая. Третьим уроком у нас была тригонометрия. Надежда Алгысовна стала проверять домашние задания, у Егора Кудайсова не выполнено. Она давай ругать его — разгильдяй, лентяй. Отчима Егора стала склонять — пьяница, хулиган. Таким, говорит, и ты будешь... А он ей... ну, в общем, сгрубил. Она его из класса, а он: не пойду!.. Тут мы стали Егора защищать, а она кричит: не лентяй, так почему же он плохо учится? И тут такое дело... Никто не может ей объяснить, потому что скажи при Егоре, он же сквозь землю провалится. Хотя все знают...

— Что все знают? И где сам Кудайсов, почему его нет на собрании?

— Он не комсомолец. Это даже хорошо, что его нет, при нём бы я не стал... Понимаете, Сергей Эргисович, у него отчим — пьяница страшный, мотористом на электростанции работает. А мать болеет, две девчонки ещё в семье. Всё хозяйство у Гошки на руках — сестрёнок нянчит, обед готовит... Какие там уроки! Придёт в класс и дремлет, хоть отдохнёт маленько. А помочь ему невозможно — никого на порог к себе не пустит, боится, чтобы не увидели их жизнь. Только попробуй заговори с ним... Да и отчим у него там такой, кого хочешь может запросто за дверь вышвырнуть. Дома у Гошки каторга, а в школу придёт — здесь его ещё больше ругают, из класса гонят. Разве это по-человечески? Разве правильно?

— Неправильно!! — одним духом отозвался класс.

— Не имела права выгонять его!

— Пеструха всегда злобится...

Аласов поднял глаза и увидел за партой у окна личико Лиры Пестряковой. Оно было бледно, девушка судорожно перебирала косы на груди. Бедная девочка, это ведь о её матери так...

Вот тебе задачка, уважаемый классный руководитель: болезненное самолюбие паренька, отчим, неумная вспыльчивость учительницы, обострённая атмосфера в классе... А если узел распутать, пойти за ниточкой, то приведёт она не куда-либо, а к тебе, классный руководитель.

Он так и сказал вслух, не боясь уронить в глазах ребят своего учительского престижа. Классовод обязан был прежде всех обратить внимание на драму в семье Гоши Кудайсова. Однако вы, комсомольцы, тоже хороши, раз уж договорились только правду... Боялись обидеть Гошу, боялись сказать вслух, боялись, что пьяница может намять бока. Боялись всего понемножку и сидели сложа руки, благо есть оправдание. Самая прекрасная позиция для боевой молодёжной организации!

— В общем, сейчас Егору Кудайсову нужна самая скорая и самая конкретная помощь. Прямо же отсюда, с собрания, я к нему и отправлюсь. Если кто хочет со мной, доводите собрание до конца, я подожду в учительской...

— Все пойдём!

— Нет уж! — Саша Брагин снова ощутил под собой председательское кресло. — Сергей Эргисович, мы это сейчас обсудим, выделим для посещения...

— Выделяйте, — сказал Аласов. — Я жду вас... А меня уж извините, что не досижу до конца, есть дела.

Сейчас лучше всего было оставить ребят одних, дать им поговорить без учителя, со всей возможной откровенностью.

«А что же о Пестряковой ничего им не сказал?» — спросил Аласов сам себя, выходя из класса. Если «только правду» — выскажи вслух, что думаешь о её поступке! Как бы не так...

За дверью класса с новой силой забурлило. Выходит, не бессмысленно кончается это собрание, что-то стронулось с мели.

Идти с классным руководителем собрание поручило комсору и двум подружкам, Нине и Вере. Девушки были неразлучницами, за что в классе их прозвали «двойняшками», хотя одна была прямой противоположностью другой: Нина Габышева — тоненькая и мечтательная, а Вера, напротив, толстушка-хохотушка. И фамилия у неё подходящая — Тегюрюкова.

Они прошли деревню из конца в конец, неподалёку от колхозной электростанции остановились у дощатой халупы-временки, одного из тех строений, что сколачивают за неделю — крышу кроют, чем попало, стены для

тепла засыпают опилками. Вместо ручки к двери был приколочен обрубок толстой верёвки.

Поочерёдно они нырнули в халупу. На приветствие никто не ответил. Комната без мебели, с почерневшими от копоти стенами и мутным оконцем могла бы показаться нежилой, если бы в дальнем тёмном углу не происходило нечто странное: взлетали руки, слышался детский плач и грозный мужской рык, причитала женщина. Аласов с порога кинулся туда. Плечистый мужик, пьяный, в разодранной рубашке, душил на кровати женщину. Гоша Кудайсов попытался схватить мужика за руку. В ногах дерущихся путались две маленькие девочки.

— Мать... мама, отдай... — кричал Гоша.

Женщина уже хрипела, белки глаз у неё выкатились, на губах была пена:

— Нет... не-ет... Лучше доконай... Не... Убей, убей! У-ух...

— Мама! Отдай!..

Гоша вцепился в мужика зубами, тот одним движением плеча отшвырнул его на середину комнаты. Аласов бросился к душителю, рывком развернул его на себя и что было сил ударил кулаком в заросшую рыжей щетиной морду. Дитина саженного роста, раскинув руки, полетел спиной к противоположной стене. Такой удар сгоряча... Силясь понять, что произошло, он полежал с минуту, сосредоточенно глядя на разодранную рубашку, потом поднял глаза на Аласова и вдруг с неожиданной прытью вскочил на ноги, схватил широкий кухонный нож с плиты.

— А-а... В моём доме...

— Брось нож! — приказал Аласов и весь напрягся; пьяный шёл на него, пригнувшись и широко расставляя ноги.

Нина с Верой, визжа, рванулись к двери. Саша Брагин, очутившись на пути пьяного, кинулся к Аласову — не то хотел прикрыть учителя собой, не то спастись за его спиной.

— Брось нож! — крикнул Аласов ещё раз. И тут же, сделав обманное движение в сторону, ахнул пьяного в подбородок. Тот снова отлетел в сторону, нож со звоном ударился о пол.

Теперь мужик долго не поднимался, только в горле его клокотало, как в чане.

Тихо скулили девочки-сестрёнки, забившись к матери на кровать.

Аласов тяжело перевёл дух: вот чертовщина какая...

Удовлетворившись полученной взбучкой, пьяница медленно стал застёгивать пуговицы, тыльной стороной ладони стёр кровь с губы. Потом осторожно, словно желая убедиться, на месте ли, поворочал рукой свою челюсть.

— Скажи пожалуйста, — сказал разочарованно. — А ещё учителем называется...

И, шатаясь, вышел.

Молча стоял посреди комнаты Аласов. Ах, как нехорошо вышло!

— Жива? — склонился он к женщине.

Та потянула на себя одеяло.

— И без того умираю, почками мучаюсь... Задушил бы — так одним разом... — Она замолчала и, вопрошающе уставившись на Аласова, даже голову приподняла от подушки: — Погоди, ты ведь... Аласов, никак? Серёжа?

Костлявое лицо, жилы на висках, туго обтянутые кожей скулы — нет, Аласов решительно не знал этой женщины.

— А я ведь Аксю, Аксинья, дочь Седорэпэн... — женщина сомкнула чёрные свои веки, превозмогая боль. — Не узнать теперь меня... А маленькими ведь вместе на сайылыке бегали.

— Аксю, дорогая! — вырвалось у Аласова. — Как же тебя не знать? — Он положил свою ладонь на горячую руку женщины, слегка пожав её. — Здравствуй, Ксюша. Мы тебя, в ребятах, ещё Сэрбэкэ дразнили, у тебя такие волосёнки были остриженные.

— Точно, точно! — оживилась женщина. — Такие волосы были. Сколько лет прошло! Ты ещё молодой, а я уже старуха. — Глаза женщины замерцали слёзами, она прикрыла рот рукой, чтобы не дать вырваться стону. — Колет, как шилом... А я видела тебя, когда приехал, да постеснялась подойти. Вон какой важный стал — учитель... Не женат, говорят?

— Нет, Аксю, не женат.

— А я вот уже за третьим. Забрал меня тогда отец из седьмого класса... Дал бы доучиться, может, была бы сейчас как все вы... как Надежда или Майя, может, тоже учительницей... Я ведь училась не хуже их. Только одни как люди живут, а к другим жизнь всё задом!.. Года не прошло, как взяли меня из седьмого, а я уже замужем. Не знаю, помнишь или нет старика. Уйбан-кузнец прозвище было, на участке жил... Так я за его сына, Егоршу, вышла.

— Помню Егоршу хорошо. В пятом классе мы с ним за одной партой сидели.

— Он тебя тоже вспоминал. Мой первый муж...

Аксю помолчала, слабо улыбаясь и глядя в потолок.

— Полтора года жили с ним. Как в сказке... Ласковый он был, убаюкивал меня на руках. На второй год войны его призвали. А осенью уже и извещение пришло, что погиб... Сынок мой, Гоша — это ведь его...

Только сейчас Аласов понял, кого ему всё время мучительно напоминал Егор Кудаисов.

— Всё ждала, надеялась, а вдруг ошибка с похоронкой... Делать нечего — пришлось поверить. Вышла замуж второй раз...

— Ладно, Аксю, потом расскажешь. Тяжело тебе сейчас... Ребята, помогите-ка малышам, носы им утрите, оденьте потеплей...

— Нет, ты послушай, — сказала Аксю с непонятым упорством. — От второго дочка вот... Года не прожили, слюбился с другой женщиной, бросил нас. А третьего видел ты. Пьянь горькая... Когда протрезвится, ласковой важенки будет, покладистый, поискать такого. Но пьёт.

— Ударил я его крепко, — сказал Аласов, хмурясь. — И не хотел ведь... Прости меня, Аксю.

— Ударил — не беда! Его не так бьют, случается. Ещё немного, задушил бы он меня, паразит. Последние деньги, на хлеб детишкам... — Она вытащила из-за пазухи комок бумажек, из-за которых едва не поплатилась жизнью. — Гошенька, сынок, возьми, в магазин сходишь, масла девочкам, сахару...

— Откуда же он такой? — спросил Аласов про мужа.

— Пришлый, издалека... — Аксю закусила губу, часто-часто задышала. — Прости, Сэргэй. Думаешь, наверно, безумная какая-то... Только на порог, а она про своих мужей, нашла время. Знаю, что про меня на улице болтают. Не хочу, чтобы ты от кого другого услышал. Не от распутства это... Человек, чем ему хуже, тем всё больше надеется — вот повезёт. Гоша у тебя в классе... Он славный мальчик, ласковый, как отец его. Ты уж последи, Сэргэй, чтобы не обижали там Гошу, по старой дружбе. Не держи на него зла за отчима.

— Ну что ты, Аксю! Как можно говорить такое...

Крохотная, только начавшая ходить, девочка на слабеньких рахитичных ножках приковыляла к постели, ловя ручками край одеяла. Аксю попыталась поднять ребёнка к себе, но охнула, упала навзничь на подушку. Малышка заплакала, Аласов подхватил её, посадил рядом с матерью.

— Слушай, Аксю, что же доктора? Как можно в таком состоянии!

— Приходит тут молоденькая... Поила меня порошками, от них не лучше. Сегодня была, говорит, надо в районную больницу, направление дала... Гоша побежал в правление за машиной, а председатель Егор Егорович, как на грех, в отлучке... Завтра, говорят, пойдёт машина. После обеда...

— Какого чёрта! — Аласов хлопнул шапкой себя по руке. — «Завтра, после обеда!» Потерпи маленько, Аксю, я сейчас же добуду тебе машину!

— Сэргэй, Сережа... Стой, не надо так! Куда я сейчас поеду? Детишки без присмотра...

— За детей не беспокойся. Всё в порядке будет... Ну-ка, Гоша, где эта бумажка от доктора?

Уже на ходу он прочёл: «Острое воспаление почек. Требуется немедленная госпитализация, наблюдение уролога».

Колхозное правление было пусто, только молодница-счетовод уныло щёлкала в углу на счётах.

— Вот уж не знаю... — сказала она, выслушав Аласова. — Легковушка у нас поломанная, а на грузовой кирпич на ферму возят. Уже, наверно, загрузились — возле зерносклада...

Аласов бегом кинулся к складам, навстречу ему из-за поворота выехал тяжело гружённый кирпичом грузовик. Аласов замахал руками: остановитесь!

Толстощёкое круглое лицо высунулось из кабины:

— Тебе, дядя, жизнь надоела, под колёса бросаешься!..

— Слушай, парень, — переводя дух, сказал Аласов. — Женщина там больная. Надо в больницу быстро...

— А я тут при чём? Я кирпич везу по разнарядке.

— Приятель, — сказал Аласов как можно дружелюбнее. — Прояви рабочую сознательность. Тут кирпичи, а там человек живой. Вот справка, видишь, «требуется немедленная госпитализация». Беда ведь может случиться.

Намёк на возможный трагический исход подействовал на парня неожиданным образом — он и вовсе не стал разговаривать.

— Слышь, отпусти! Ничего не знаю, что мне сказано, то и делаю. Отпусти, тебе говорят!..

Он тронулся, но Аласов по-прежнему висел на подножке, держа дверцу:

— Стой, дурья голова! Человек ведь!..

— Отойди! — парень замахнулся на Аласова, пытаясь столкнуть его с подножки. — Отойди, тебе говорят!

— Что за базар? — перед машиной возник молодой мужчина в сером костюме. — Почему ещё здесь? — напустился он на шофёра. — Разве не было сказано, чтобы до обеда управиться?

— Да вот, товарищ председатель, — занял шофёр. — Вот, дорогу не даёт... Бросай, говорит, кирпич, езжай в райцентр. Распоряжается... Дверцу чуть не выломал!

— Хорошо, хорошо, разберёмся тут без тебя. Поезжай немедля. Если будешь со всяким встречным...

— Я не всякий встречный! Я учитель здешней школы! И я требую, чтобы машина отвезла сначала в больницу тяжело больную женщину — вашу колхозницу! Фамилия моя Аласов.

— Ах, вот как! — сказал председатель уже другим тоном. — Слышал про вас... А я Кардашевский, Егор Егорович. Кто заболел, позвольте узнать?

Когда Аласов вернулся в хибару, там уже парни накололи дров и разожгли печь, Нина с Верой переделали в чистое сестрёнок. Брагин старательно мёл пол, придерживая очки.

...Узнав, что машина всё-таки будет, Гоша кинулся собирать вещи матери в дорогу — достал шубу, платок, сложил всё у постели.

— Помогите хозяйке одеться, — наказал Аласов девушкам, выходя навстречу грузовику.

Сообразив, что мать уезжает, маленькие подняли рёв. Нетерпеливый шофёр принялся сигналить: быстрее! Девушки наскоро очистили кузов от кирпичной пыли, устроили больной ложе помягче, медсестра пришла...

Когда машина, покачиваясь и кренясь на ухабах, начала выворачивать на тракт, ей вслед сорвался с места Гоша и уцепился за борт.

— Выздоровлявай, мама! Мы будем ждать тебя, мама!..

Человек не сентиментальный, Аласов проглотил тяжёлый ком — таким пронзительно-любящим был этот порыв паренька. Будь я проклят, сказал Аласов себе, если дам Гошку кому-либо в обиду. Пусть только тронет кто парня...

Две девушки возвращались под вечер домой. Они устали и были полны впечатлений. Нине хотелось помолчать, обдумать всё про себя, но разве это возможно рядом с Верой-тарактушкой! Пусть даже Нина не откликается, всё равно подруга будет болтать — сама спрашивает, сама отвечает, случается, даже похвалит себя: это ты, Вера, точно сказала...

— Сестрички у Гоши, правда, славные? Тебе хотелось бы таких малышей?

— Не знаю.

— А я бы заимела. Прихожу из школы, они бегут навстречу, пухленькие, косматенькие!

— Не зна-аю... — пропела Нина, не отрываясь от своего. Без всякой причины она остановилась и сощурилась на закат. — Верочка, а я Сергея Эргисовича знаю давно-давно. Это странно, конечно, но я его всю жизнь знаю.

— Нинка! — строго сказала на это подружка. — Опять у тебя новый приступ? Опять голоса слышатся?

— Верочка, дорогая, — девушка присела на лавочку, попавшуюся им на пути, словно под тяжестью осенившей её мысли. — Так оно и должно было случиться. Он рыцарь настоящий!

— Кто? Сергей Эргисович?

— Я всю свою жизнь...

Вот вам пожалуйста, опять у Нинки бред. Вера, лишённая романтических склонностей, эти Нинкины фантазии приравнивала к тяжёлому заболеванию. Стоя около подружки, подбоченясь и покачивая головой, она в эту минуту напоминала хозяйку на кухне, которая не знает, с какого боку приступить к непотрошёному праздничному гусю.

— Вот опять мне с тобой возиться, Нинка... Беда моя, когда я только выколочу дурь из тебя!

— Ты не смейся, Вера, — сказала Нина тихо. — Он ведь такой... Самый хороший!

— Привет! — сказала Вера и покрутила пальцем возле виска. — Пламенный привет!